но и это разделение представляется нам весьма общим, не отражающим реального разнообразия типов древнерусской повести или, точнее говоря, тех произведений, которые по традиции относятся к жанру повести. Если мы обратимся только к группе так называемых бытовых повестей XVII в., то даже здесь мы должны будем признать, что имеем дело отнюдь не с одним жанром. М. О. Скрипиль определяющим признаком жанра древнерусской оригинальной повести считает «личную тему», «рассказ о частной жизни, о счастии и трагедии рядового человека».[2] Однако тематика сама по себе не определяет еще жанра. Одна и та же тема лежит в основе «Слова о полку Игореве» и летописной повести о походе Игоря, а между тем это совершенно различные по жанру произведения. Что же касается темы «рядового человека», то она, как известно из истории литературы, разрабатывалась и в рассказе, и в очерке, и в романе, и в драме, и в поэзии. Если мы обратимся к литературе XVII в., то в этом смысле нет принципиальной разницы между «Повестью о Савве Грудцыне» и «Комидией притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого — тема у них одна, а принадлежат они не только к разным жанрам, но и к разным родам поэзии. Тема «рядового человека» разрабатывалась и в «Повести о Горе-Злочастии» и в «Азбуке о голом и небогатом человеке»; но кто станет утверждать, что это произведения одного жанра! Точно так же, строго говоря, нельзя сближать в жанровом отношении «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне»: первая гораздо ближе к жанру поэмы, чем повести, вторая — скорее роман, чем повесть. Точно так же «Повесть о Карпе Сутулове» — типичная новелла, близкая к новеллам «Декамерона» Бокаччо, а «Повесть о Фроле Скобееве» — по существу является эмбрионом русского плутовского романа, близким по жанру западноевропейскому плутовскому роману.

Вряд ли можно говорить о е д и н о м агиографическом жанре только на основании сходного идейного содержания и некоторых шаблонных композиционных элементов. Во всяком случае следовало бы говорить о житиях-новеллах (которые группировались в патериках) и о житиях-повестях. Заслуживает внимания классификация вида житийных повестей, которую предлагает М. О. Скрипиль (по его терминологии — «биографических житий»).[3] Некоторые произведения, по традиции долгое время относившиеся к житийной литературе, в настоящее время исследователи справедливо отделяют от этого литературного вида. Так, «Сказание о Борисе и Глебе» и Житие Александра Невского многими признаются воинскими повестями. На наш взгляд, убедительно отнесение Жития Юлиании Лазаревской к жанру нравоучительной повести или семейной хроники,[4] а «Сказания о боярине Морозовой» — к жанру историко-бытовой повести.[5] Наличие в этих произведениях элементов, характерных для житийной литературы (сходство композиционных мотивов, религиозные сентенции и характеристики, молитвы, описания чудес и др.), нисколько не препятствует выделению названных памятников в другие группы, поскольку эти же элементы в большей или меньшей степени характерны для многих произведений древней русской литературы, никогда и не относившихся к житийной литера-

---

[2] М. О. Скрипиль. Проблема изучения древнерусской повести. — ИОЛЯ, т. VII, 1948, в. 3, стр. 192.

[3] История русской литературы (далее: АИРЛ), т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 91—99.

[4] М. О. Скрипиль. 1) Повесть об Улиании Осорьиной. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 256—323; 2) Повесть об Улиании Осорьиной. — Русская повесть XVII в. Гослитиздат, М., 1954, стр. 350—356.

[5] АИРЛ, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 332.